

ЭВОЛЮЦИЯ
ВЗАИМООТНОШЕНИЙ ПОЛОВ

18+

ПРИ ЧЕМ ЗДЕСЬ

ЛЮБОВЬ?

Мерedit Смолл

Мередит Франческа Смолл

При чем здесь любовь?

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42599707

При чем здесь любовь?: СветЛю; Москва; 2015

ISBN 978-5-905392-33-7

Аннотация

Эта книга – о брачном поведении человека как биологического вида, или сексе. Нас всех привлекает этот предмет, и тем не менее у нас нет четкого представления о его происхождении. Каков биологический смысл того, что мы занимаемся сексом, хотя мы реже всего делаем это для продолжения рода? Почему мы вступаем в брак, хотя брак меньше всего гарантирует секс? Почему мы влюбляемся в определенных людей? Действительно ли мужчины думают о сексе чаще, чем женщины? Правда ли, что женщины бессознательно ищут состоятельных мужчин, способных материально обеспечить их потомство? В своем неординарном исследовании известный ученый-антрополог изучает множество вопросов, связанных с бесконечно загадочным процессом образования пар в человеческом обществе. Но поскольку наш вид мотивируется не только биологическими импульсами, автор рассматривает секс также и с точки зрения нашей культуры.

Содержание

Введение	6
Глава 1	24
Повседневный секс	24
Наши предки и мы	31
В начале	32
Ветвистое древо	36
Мы – не то, что мы делаем	40
Естественная биология человека	40
Чувство общности	42
Естественная эволюция брачного поведения человека	47
Эволюция моногамии	48
Человеческий детеныш, требующий пристальной заботы	50
Сдерживающая сила в человеческой паре	53
Внимание к женским особям	57
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Мередит Смолл
При чем здесь любовь
Эволюция
взаимоотношений полов

Meredith F. Small

What's Love Got to Do with It?

The Evolution of Human Mating

© ИП Лошкарева С. С. (Издательство «СветЛо»), 2015,
перевод, оформление

© Мередит Франческа Смолл, 1995. Все права сохранены,
включая права на полное или частичное воспроизведение в
любой форме.

Все права защищены. Никакая часть этой книги не может
быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими
бы то ни было средствами, включая размещение в интернете

и в любых информационных системах, для частного и публичного использования без письменного разрешения издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет за собой гражданскую, административную и уголовную ответственность.

* * *

*Тиму, потому что любовь здесь действительно
при чем*

*Современные мужчины и женщины одержимы
сексом; это единственная оставшаяся многим
из нас сфера, где мы можем прикоснуться к
первобытному.
Эдвард Эбби*

Введение

На прошлый День благодарения друзья пригласили меня к себе на праздничный обед. За столом я сидела рядом с другим гостем – терапевтом. Услышав, что я антрополог, он повернулся ко мне и вежливо осведомился об исследовании, которое я провожу. Я была в нерешительности: как ответить – промолчать ли о многолетнем изучении брачных игр обезьян и моем нынешнем исследовании овуляции у людей или же бросить темы моей работы на стол рядом с картофельным пюре и начинкой для индейки? Я решила, что мой сосед по застолью взрослый человек и, будучи врачом, наверняка знает о человеческой анатомии достаточно, чтобы не испытать неловкости из-за моего ответа. Поэтому я начала объяснять: «В настоящее время я работаю над вопросом овуляции – знают ли женщины и их партнеры-мужчины, когда происходит овуляция». Он положил вилку. Я знала, что он либо извинится и выйдет, либо повернется к соседу по другую руку, либо углубится в разговор со мной. Он выбрал последний вариант. «И что нам даст эта информация? Как это связано с антропологией?» – спросил он. Я пояснила, что некоторые антропологи утверждают, будто в отличие от многих других приматов, таких как шимпанзе, у которых есть большие розовые набухания, сигнализирующие о способности к воспроизведению, у женщин овуляция скры-

та. Этот факт мог оказать значительное воздействие на эволюцию брачного поведения человека в последние несколько миллионов лет. Мужчина, озабоченный тем, чтобы стать отцом, должен был охранять свою партнершу все время, чтобы быть уверенным, что она не вступила в отношения и не зачала с кем-то другим. Это может быть одной из причин распространения парной модели взаимоотношений полов у человека. Или же женщина могла бы схитрить, заставив мужчину заняться сексом, когда она не была способна к воспроизведению, опустошая таким образом запасы сперматозоидов, которые могли бы быть использованы для оплодотворения других женщин. Мы продолжили разговор, рассуждая о возможной роли мужчин и женщин в формировании отношений полов, какими мы их знаем сегодня. Тем временем слово «овуляция» как будто проплыло вдоль обеденного стола, похлопало каждого из гостей по плечу и приземлилось на наполовину разделанную индейку. Внезапно я осознала, что все гости за столом замолчали. Все повернулись в мою сторону, слушая мой монолог о половом поведении наших человеческих предков. Мне показалось, единственное, что я могу сделать в этой ситуации, – открыть обсуждение этой темы.

«Вы знаете, когда у вас происходит овуляция?» – спросила я хозяйку дома. Она ответила: «Ну конечно же!» Каждая из присутствующих женщин ответила «да», или «нет», или что она об этом раньше особо не задумывалась. Одна мо-

лоденькая девушка не знала, что такое овуляция. Когда мы объяснили, она призналась, что чувствует в середине цикла что-то, что могло бы указывать на овуляцию. У меня не нашлось достаточно мужества, чтобы спросить присутствующих мужчин, знают ли они, когда у их партнерши происходит овуляция, но этот вопрос был у меня на языке. Как антрополога меня больше всего интересует эволюционный аспект данного вопроса, но мне также интересно, как это биологическое событие может тонко влиять на текущие отношения. Я очень хотела спросить сидящие за столом пары, влияла ли когда-нибудь каким-то образом осведомленность, что у женщины происходит овуляция, на их планы совершить половой акт. Использовали ли они знания об овуляции, чтобы избежать беременности или, наоборот, достичь ее? Могла ли я спросить такое в непринужденном разговоре за тыквенным пирогом? В тот момент этот выбор сделала за меня хозяйка дома, элегантно сменив тему разговора. Бросив быстрый взгляд на своего старшего сына, она сказала: «Если бы женщины действительно знали, когда у них происходит овуляция, кое-кто не сидел бы за этим столом».

События этого вечера показали мне две вещи. Во-первых, большинство людей не знают, как устроена их сексуальная биология. Наше понимание того, откуда берутся дети, связано главным образом с методами контрацепции – и многие из нас не разбираются даже в этом. И секс, процесс, в результате которого появляются дети, является для нас столь же таин-

ственным. Уверена, многие из присутствующих в тот вечер не смогли бы объяснить, почему им вообще хочется заниматься сексом. Во-вторых, этот случай еще раз подтвердил для меня, что всех завораживает тема секса и размножения. Например, просто произнеся слово «овуляция», я смогла перенаправить мысли 12 голодных гостей, которые должны были бы выбирать, какую часть индейки им хочется съесть, в русло биологии размножения. И у каждого нашлось что сказать. Интересно, какова была бы реакция, если бы я затронула тему оргазма?

Эта книга – о взаимоотношении полов в человеческом обществе или сексе, потому что нас всех привлекает этот предмет, и тем не менее у нас нет четкого представления о его происхождении. По определению, эта книга также затрагивает процесс воспроизведения человека, потому что дети это и есть биологическое последствие секса человека, как это происходит у всех видов, размножающихся половым путем. Но, поскольку наш вид мотивируется не только биологическими импульсами, я должна рассмотреть секс и с точки зрения нашей культуры.

Странно, что мы многое знаем об окружающем нас мире и так мало о нашей сексуальности и биологии размножения. Как мы можем существовать как биологический вид, выбирать партнера на всю жизнь, принимать важные решения о том, чтобы завести детей или быть разумными взрослыми, если мы не понимаем основ нашей сексуальной биологии?

Познать самих себя с сексуальной точки зрения – кажется, это значит постичь одно из самых интригующих чувств в жизни – стремление спариваться. Еще более странным кажется тот факт, что в нашей культуре мы пытаемся замять тему, которую едва понимаем. В западном обществе секс попадает в поле нашего зрения на каждом шагу – фотографии молодых парней в нижнем белье, занимающие несколько страниц журнала; длинноногие модели, возлежащие на капотах блестящих новеньких автомобилей, соблазняющие нас тратить с трудом заработанное; сексуально откровенные журналы на прилавках, привлекающие наше внимание; комиксы, всегда способные вызвать смех зрителей непристойной фразочкой; сценарии сериалов, где диалоги героев приправлены сексуальными намеками, чтобы не дать нам убежать от экрана к холодильнику. Наши современные средства информации, по утверждению некоторых, отождествляются с сексом. В каком-то смысле средства массовой информации лишь пользуются замешательством, которое вызывает сексуальность в нашей культуре и повседневной жизни.

Думаю, что одна из основных причин, почему нас цепляют пикантные истории и откровенные изображения, это то, что мы, осознанно или неосознанно, используем их для оценки самих себя. Фотографии, рассказы и заголовки – это средства оценки для решения важного вопроса – нормален ли я? В этом плане средства массовой информации оказались более полезны, чем это предполагалось. Наши сексуаль-

ные мысли и действия настолько интимны и так редко обсуждаются на публике, что, когда поп-культура выставляет сексуальность на всеобщее обозрение в журналах и на телеэкранах, мы не можем не сравнивать свою жизнь с этими картинками. В нашей (американской) культуре, с ее ханжеским викторианским наследием, для обсуждения сексуальности не так уж много возможностей, нас вводит в транс необходимость говорить об этом открыто даже с близкими друзьями. В результате создается замешательство. Где-то в подсознании, там же, где возникают эти сексуальные мысли, мы понимаем, что сексуальность – это всего лишь часть жизни, такая же, как употребление пищи и дыхание. Но в то же время наша культура говорит нам, что все связанное с сексом имеет оттенок чего-то запретного. Мы признаем, что нормальные здоровые люди занимаются сексом, но кажется, что либо они не должны получать от этого удовольствия, либо, если же получают, они должны хотя бы испытывать по этому поводу чувство вины.

Противоречивое отношение американцев к сексу делает его трудным предметом для серьезного изучения. Когда я говорю кому-то, что пишу книгу об эволюции человеческой сексуальности, я выслушиваю самые разные комментарии. Некоторым становится очень неловко, и они быстро меняют тему. Другим интересно все, что мне удалось открыть, но они задают вопросы с ухмылкой и сальным взглядом. Одна из подруг даже рассказала мне длинные истории своих сек-

суальных походов в надежде попасть в книгу. Признать и обсуждать секс в разумном ключе нам сложнее, чем любую другую человеческую деятельность, потому что мы на самом деле не знаем точно, какое место в нашей жизни занимает секс. Секс – это личная тайна, и в нашей культуре неведомые силы устроили заговор, чтобы он таковой и оставался, что только усиливает ощущение таинственности. Но возможно находиться в ладу с собственной сексуальностью, занять здоровую позицию по поводу этого нашего фундаментального поведения. Я думаю, мы должны поместить нашу сексуальность в подходящий контекст помимо того контекста, в который помещает его поп-культура.

В этой книге я намереваюсь рассмотреть секс с научной точки зрения. Я иду по следам многих других ученых и популяризаторов, изучавших секс до меня. Альфред Кинси и его коллеги были первыми, кто провел первое масштабное исследование американских сексуальных практик и отношения к сексу в 40-е годы XX века¹. Хотя сегодня многие высказывают критику в адрес их трудов, эти исследования остаются наиболее надежной шкалой сексуальности человека. В 1960-х Уильям Мастерс и Вирджиния Джонсон начали детальное изучение физиологии сексуальных реакций человека². Их последователи сделали их методы более точными или развили их идеи, но работа Мастерса и Джонсон остается

¹ Kinsey et al. 1948; Kinsey et al. 1953.

² Masters and Johnson 1966.

наилучшим описанием того, как человеческое тело реагирует на сексуальные стимулы. Позднее Шир Хайт позволила мужчинам и женщинам написать о своей сексуальности, не ограничивая их научными обзорами, опросниками или анкетами. В ее книгах «Отчет Хайт» и «Отчет Хайт о мужчинах»³ звучат нестесненные голоса, рассказывающие о месте секса в повседневной жизни. Несколько исследований, среди которых особенно заслуживают внимания «Отчет Янусов»⁴ и «Секс в Америке»⁵, задокументировали современные американские практики и отношение к сексу в попытке отследить так называемую «сексуальную революцию» и влияние СПИДа (синдрома приобретенного иммунодефицита) на секс в Америке.

Но многое все еще остается неизученным, а наше человечество, кажется, бежит от этого немаловажного знания, вместо того чтобы искать ответы. Мы так мало знаем о сексуальности, потому что подход нашего общества к этой теме очень ограничен. Мы часто останавливаемся в поисках ответов на самые основные вопросы о сексе, как, например, почему нас так интересует сексуальная жизнь других людей или почему мы спешим судить о том, что нормально или ненормально в сексе. Как если бы в вопросах секса нам было достаточно поверхностных ответов. Я считаю, что достичь понимания фи-

³ Hite 1976.

⁴ Janus and Janus 1993.

⁵ Michael et al. 1994.

зиологической реакции, которую описали Мастерс и Джонсон, или разработать шкалы оценки, как это сделали Кинси и Янусы, недостаточно. Поэтому книга «При чем здесь любовь?» – это попытка вывести исследование секса из чулана, снять его с академического пьедестала и вписать его в один ряд с другими схемами поведения, составляющими многообразие человеческой жизни. В конце концов, половой акт и стремление к сексуальному удовлетворению – это универсальные черты нашего вида и часть нашего животного существа, которая вместе с остальной нашей природой и позволила нашим предкам выживать на протяжении миллионов лет.

Но что же представляет собой человеческая природа? И, что более важно в контексте данной книги, как эволюционировала наша сексуальная природа? Существуют уникальные черты человеческой анатомии и психики, образующие каждого индивида нашего вида. Прежде всего, мы знаем, что мы относимся к приматам, отряду, включающему в себя лемуров, обезьян, человекообразных обезьян и людей. Как приматы, мы являемся потомками небольших млекопитающих, обитавших на деревьях, и большинство отличительных черт нашей анатомии перекликаются с нашим наследием древесных обитателей. Например, как у всех приматов, у нас прекрасное зрение, чтобы прыгать с дерева на дерево, и очень гибкие руки, чтобы хвататься за ветви. Изучение других приматов на самом деле может быть весьма познавательным, особенно когда речь заходит об основных образцах наше-

го поведения. Поскольку мы близкие родственники, то, что делают они, и то, как они себя ведут, часто перекликается с тем, что делаем и как ведем себя мы, и наоборот. На самом общем уровне поведения все приматы, включая людей, очень социальные животные. Мы живем в группах различного размера и, по определению, должны взаимодействовать с нашими соратниками через соперничество и сотрудничество. Мы ссоримся и затем миримся, мы заводим дружбу и развиваем преданность, формируем альянсы и встаем на чью-то сторону. Кроме того, приматы демонстрируют чрезвычайную озабоченность родством; принятие пищи, защита и социализация чаще всего происходят между родственниками. Детеныши всех видов приматов очень зависимы и требуют усиленной заботы. Широкое разнообразие систем половых отношений в различных человеческих культурах можно встретить также и среди наших родственников-приматов. Другими словами, мы можем использовать наши знания о других приматах, чтобы ответить на вопросы об эволюции нашего собственного поведения. Эта информация поможет определить, какие черты и виды поведения присущи исключительно человеку, а какие являются частью основного чертежа, по которому созданы и мы, и наши сородичи-приматы. Моя цель – изучить людей в широком зоологическом контексте, как животных, в особенности как приматов. Я часто обращаюсь к этому контексту в обсуждении биологической основы сексуального поведения человека.

В то же время так же важно рассмотреть человека, стоящего отдельно от других видов. Мы разумные животные, пытающиеся понять самих себя, и до сих пор не ясно, обладает ли какое-либо животное такой же степенью осознанности. Мы развили сложную систему социального взаимодействия, называемую культурой, которая служит посредником нашей биологической природы. Это одновременно является и преимуществом, и проклятием. Мы можем решать, следовать ли нашим биологическим позывам, не позволяя внутренним голосам взять верх. В то же время мы забываем о гибкости этой культурной оболочки. Мы ставим знак равенства между нашим личным поведением, или тем, что продиктовано нашей культурой, и тем, что представляют собой люди, или какими они должны быть, игнорируя разнообразие человеческого опыта и поведения. Путешествие в другую страну иногда кажется настолько экзотическим, потому что мы сталкиваемся с привычками человеческого общения, которые не «вписываются» в наше представление о поведении человека. Например, в Индонезии мужчины держатся за руки с мужчинами, а женщины с женщинами, но вы никогда не увидите на публике физического выражения привязанности между мужчиной и женщиной. Поначалу западным людям неловко наблюдать, как однополые друзья держатся за руки или обнимаются, потому что в нашей культуре такая степень физического контакта означает гомосексуальность пары. Но ясно, что существует множество способов выражения нежности и

наши западные традиции – лишь одни из многих. Проблема заключается в том, что часто эти личностно или культурно обусловленные шоры мешают нам интегрировать традиции других культур в общую картину человеческого поведения. Чтобы учесть это, важно изучить и признать обычаи, принятые в других культурах. Эта более глобальная точка зрения особенно важна при обращении к основам полового поведения человека. То, что является обычно «нормальной» сексуальностью, может очень сильно варьироваться, преломляясь через призму других культур.

В книге «При чем здесь любовь?» я рассматриваю культурную часть полового поведения человека прежде всего и в основном с точки зрения западной культуры. Это культура, в которой я выросла и которую лучше всего знаю. Но я включаю, где это возможно, сравнения и с другими культурами. Десмонд Моррис в своей революционной книге о человеческом животном «Голая обезьяна»⁶ очень точно показал, что сравнения с изолированными небольшими культурами не очень-то полезны в понимании общей картины человеческой природы. Такие «вымирающие» культуры являются неудачниками генетического фонда человека, утверждает Моррис. По его мнению, мы должны обратиться к более успешным культурам, чтобы увидеть, какого результата достигла основная часть человеческой природы. В каком-то смысле я с этим соглашусь, но я также думаю, что изоли-

⁶ Morris 1967.

рованные или маргинальные культуры помогают нам понять гибкость человеческой сексуальности. Поэтому я включила в книгу примеры того, как другие народы выражают свои сексуальные позывы, если это дополняет тему. Эта гибкость в сексуальных практиках, конечно, является одним из самых интересных аспектов человеческого вида. Обращаясь к другим культурам, мы расширяем поле для сравнения с другими представителями своего вида. Мы находим универсальные черты нашей сексуальности – озабоченность сексом, получением оргазма, поиском нескольких партнеров, как находим и отличия. Например, в большинстве западных культур гомосексуальный половой акт у мужчин считается ненормальным или даже отвратительным. И тем не менее во многих племенах других стран молодые люди должны в том или ином виде вступить в отношения, которые мы бы назвали гомосексуальными, прежде чем они полностью вступят в жизненный цикл зрелости. Если рассматривать это с точки зрения гибкости сексуального поведения мужчин, ни положительное, ни отрицательное отношение к мужской гомосексуальности не представляется правильным или неправильным с моральной точки зрения – приемлемость этого акта определяется культурным контекстом. Кроме того, другие культуры дают нам знания о месте секса в жизни общества. В некоторых группах женщинам разрешается вступать во внебрачные отношения, тогда как в других женщин изолируют от заинтересованных мужских глаз. Баланс сил мужчин и жен-

щин часто определяет то, кто контролирует сексуальность той или иной культуры. Например, поколения западных женщин выросли под влиянием мужской викторианской этики, утверждающей, что женщины не получают от секса такого удовольствия, как мужчины. Женщинам пришлось пережить сексуальную революцию в 70-х годах XX века, чтобы понять, что же такое женская сексуальность. Это только один из известных примеров того, как тип общества влияет на то, как мы воспринимаем нашу сексуальную жизнь. И очень важно, чтобы мы смогли отместить эти культурные наслоения и увидеть общую сексуальную природу, лежащую в основе этих ограничений общества. В этом смысле мы являемся культурными личностями, ищущими внутри себя биологическое животное.

Чтобы понять, что заставляет нас действовать как сексуальные животные, мне придется начать сначала, около 3,5 миллиона лет назад, когда первые человекообразные существа появились в Африке. Глава первая фокусируется на эволюции человеческой сексуальности на протяжении переходных периодов длиной в миллионы лет. Как мы можем понять сексуальное поведение человека, не зная истории его эволюции? В конце концов, привычки нашего брачного поведения эволюционировали со временем, и их стойкость объясняется эволюционными причинами. На протяжении предшествующих поколений люди противоположного пола сформировали некую неуловимую связь, которая обес-

печивает зависимого детеныша человека безопасной и питающей средой. Но парные, или так называемые «моногамные» отношения между мужчинами и женщинами это в лучшем случае шаткий временный компромисс. История эволюции показывает, что моногамная система – это сравнительно недавнее изобретение, которое последовательно нарушается и, как показывает наше современное поведение, вообще может оказаться несостоятельным.

Глава вторая переносит нас в настоящее время, и это очень сексуальное время. Люди отделили секс от размножения и используют сексуальность по совершенно различным причинам. Стремление к сексу можно определить на самом базовом уровне – как средство передачи генетического материала. Но если смотреть глубже, в том, как это стремление выражается, используется и воплощается, в большой степени замешана биология. У наших тел есть ряд механических реакций на сексуальные намеки. В этой главе прослеживается путь сексуального влечения от психологического импульса до пика, заставляющего сердца биться чаще.

Половой акт и то, что под ним подразумевается для разных полов, исследуется дальше в главах 3 и 4, где я рассматриваю сперва женщин, а затем мужчин. Моей целью не является описать физиологию мужчин и женщин. Меня интересуют старые убеждения о нашей сексуальности и то, как эти убеждения меняются под влиянием науки. Мужчины мотивированы к сексу не больше, чем женщины. При должной

стимуляции женщины могут достичь оргазма так же быстро, как и мужчины. Менструация может и не быть «проклятием», а сперматозоиды живут своей жизнью. То, что мы знаем о нашей сексуальности сегодня, отличается от того, что мы знали даже 20 лет назад. Сегодня женщины в западной культуре более свободны с сексуальной точки зрения, у нас больше знаний о том, как работает женская репродуктивная система. Мужчины тоже пережили своего рода освобождение. Теперь мы знаем, что не все мужчины стремятся к сексу на каждом шагу; в их импульсах есть гибкость, а в их реакциях – вариативность.

Мужской и женский пол снова объединяются в главе пятой, потому что наше биологическое наследие заставляет многих – но, конечно же, не всех – найти подходящего партнера и мириться с ним или с ней достаточно долго, чтобы зачать отпрыска. И это должно быть сделано в рамках определенной сложной семейной системы, социальной группы, экономической и политической системы и культуры. В главе пятой я обращаюсь к множеству исследований, появившихся в последнее время, посвященных выбору полового партнера, проведенных в основном психологами и социобиологами. Эти труды выразительно демонстрируют, что мы выбираем партнеров не случайно – и конечно, не всегда делаем наилучший выбор.

Никакая современная книга по сексуальности человека не будет законченной без обсуждения гомосексуальности. Что

это – выбор стиля жизни? Биологическая необходимость? Психологическое отклонение? В главе шестой я рассматриваю, какой вклад внесла наука в политизацию гомосексуальности. Поскольку гомосексуальность является универсальной чертой нашего вида, пора признать ее частью человеческой природы.

В отрыве от гормонов и генов, ведущих большинство животных к размножению, наше сексуальное поведение расцвело многообразием проявлений. Чаще всего наш половой акт не имеет ничего общего с размножением. И мы как никто смогли расширить категорию «секс», превратив ее во что-то более многообразное и разностороннее, нежели у большинства других животных. Мы произошли от двуногих обезьян, обитающих в саваннах, а теперь работаем на заводах или за компьютерами. Мы больше не собираем еду, а ходим за покупками в удобные супермаркеты или едим то, что предлагает нам фаст-фуд. Мы все еще иногда используем секс в качестве средства размножения, но наша сексуальная жизнь также претерпела некоторые трансформации. Дети могут быть зачаты в пробирке, сперму можно получить от анонимных доноров, а у женщины есть возможность зачать, даже если у нее началась менопауза. Также не вызывает сомнения, что ВИЧ – чума, передающаяся половым путем, – имеет огромное влияние на то, как люди ведут половую жизнь. Над каждой постелью теперь нависает угроза возможной болезни и смерти. Это новое влияние, биоло-

гическое по происхождению и культурное по распространению, которое нужно учитывать в поисках сексуальной природы человеческих существ. Существуют менее серьезные культурные изменения, которые могли бы оказать влияние на дальнейшее развитие схем нашего полового поведения: сайты знакомств, секс по телефону и онлайн. Эти влияния, вместе взятые, позволяют предположить, что взаимоотношения полов у наших потомков могут в значительной степени отличаться от секса наших предков. В последней главе книги предложен взгляд в будущее человеческой сексуальности, каким оно видится на сегодняшний день.

Глава 1

Сексуальное животное

Повседневный секс

Мой самый любимый в мире район красных фонарей расположился на набережной Аудзейдс Фоорбургвальд по обе стороны старинного канала в Амстердаме. Первый раз я попала туда в возрасте 23 лет как обычная туристка, путешествующая по Европе с рюкзаком за спиной. Мы с моим попутчиком направлялись в хостел и остановились возле витрины секс-шопа. Мы стояли там несколько минут, показывая на различные предметы и пытаясь понять, что с ними вообще можно делать. Мы отлично провели время. С тех пор в любом иностранном городе я намеренно направляюсь в район красных фонарей днем; вид так называемого «нутра города» добавляет в моей памяти некий колорит и контраст к более рафинированным местам, таким как музеи и церкви.

Амстердам – мой любимый, потому что, прогуливаясь по улице вдоль канала утром или вечером, я всегда чувствую, что отправилась на приятную прогулку по очаровательному району Старого Света, а не по центру сексуальных товаров и услуг. Конечно, там есть обычные бары с неоновыми над-

писями, анонсирующими меню сексуальных удовольствий, составленными на односложном международном языке секса: «Вживую», «Жесткий», «Обнаженные», «Девочки! Девочки! Девочки!», и стандартные вывески с фотографиями обнаженных женщин с невероятно огромными грудями и соблазнительными пухлыми губками. Но, как и в остальных городах Голландии, улочки идеально чистые. Окна блестят, как будто их моют два раза в день, на них кружевные занавески, напоминающие полотна Вермеера. И, как ни странно, там нет женщин, вальяжно стоящих в дверях, нет манящих жестов или непристойных приглашений к нескольким минутам секса в подходящем закутке. Вместо этого проститутки сидят у огромных окон первого этажа, разговаривают между собой, вяжут или рассматривают в окно проходящие толпы туристов. Конечно, на них обычная униформа представительниц их профессии – микроскопические шорты, сапоги, слишком маленькие лифчики, у них длинные волосы, и они выглядят таким же скучающими, как проститутки Парижа, Нью-Йорка или Бангкока, где мне также приходилось бывать. Но это место выглядит более непринужденно, домашнему, как будто женщины просто сидят на крыльце собственного дома и ждут, не случится ли на улице чего-то интересного. Уличная толпа здесь тоже другая. В большинстве своем это мужчины, но присутствует и большой контингент женщин всех возрастов, рассматривающих витрины магазинов или просто гуляющих. Иногда по улице прогуливаются и

семьи, частенько останавливаясь, чтобы поглазеть на витрины. Они показывают на выставленные на продажу товары – гигантские фаллоимитаторы, откровенные видео или объекты, назначение которых могут определить только те, у кого есть вкус к тому, для чего служат эти хитроумные штуковины. Дети показывают на них пальцем, а родители смеются, как будто они смотрят на витрину магазина шуточных товаров, а не странных приспособлений для секса. Естественно, в этом районе есть подводные течения – наркотики и эксплуатация, но на поверхности все прилично и пристойно, даже дружелюбно. Мне нравится чувство, что здесь приемлемо не только быть проституткой, но и быть наивным туристом, рассматривающим сексуальные товары, выставленные на продажу. Другие районы красных фонарей более зловещи. В Бангкоке, например, я никогда бы не осмелилась появиться на улицах Пэтпонга в одиночку. В мелькающих огнях и громкой музыке есть что-то угрожающее. Прекрасные размалеванные азиатки, приглашающие прохожих зайти в клуб, выглядят загнанными и жалкими. Таймс Сквер в Нью-Йорке также выглядит довольно пугающе, не только потому что сексуальность здесь более грубая, но и потому, что атмосфера насилия Нью-Йорка здесь ближе к поверхности. Никто не знает, хочет мужчина или женщина в леопардовом трико продать вам сексуальные удовольствия или ограбить вас. Но даже у этих районов есть нечто общее с более близким мне по духу районом Амстердама, – это то

сообщество, которое влечет меня в районы красных фонарей любого города, чтобы получить о нем более объективное впечатление. Под неоновыми огнями, музыкой, прямо рядом с женщиной на 10-сантиметровых шпильках течет обычная городская жизнь. Эти места, предназначенные для удовольствий с их преувеличенными знаками сексуальности, – такие же районы города. Секс – не единственный ходовой товар и не единственное занятие в районе красных фонарей. Вдоль большинства улиц расположены кафе и бары, где уставшие от походов по секс-шопам и другие туристы могут перекусить или что-нибудь выпить. Кроме того, не все приходят сюда, чтобы купить секс. Некоторые люди живут в этом районе; кто-то просто проходит мимо по пути на работу или с работы, не видя причин обходить этот район стороной из-за бизнеса, который здесь ведется. Таймс Сквер в Нью-Йорке, например, – это район секса, театров, торговых центров и туристическая Мекка. Купить газету, сэндвич или воспользоваться услугами прачечной в районе красных фонарей так же просто, как и в любом другом районе города. Присмотритесь, и вы заметите людей в квартирах, находящихся над секс-шопами, людей, встающих каждое утро и отправляющихся на свою более традиционную работу, возвращающихся вечером домой, смотрящих телевизор и выращивающих детей. Возможно, секс здесь наиболее заметный товар, но обычная городская жизнь здесь тоже идет своим ходом.

Во многих городах коммерческая сторона секса передана определенному району, но эти районы также являются и частью города, где живут и работают обычные люди (фото Д. Хэтч)

В этом смысле место секса в районах красных фонарей дублирует место секса в нашей культуре. В обоих случаях секс – это часть большого сложного комплекса жизни, и в обоих случаях секс – это отдельный мир. Реклама делает на нем акцент и гипертрофирует его, некоторые политические и религиозные группировки его подавляют. Мы как отдельные личности тоже занимаемся подобной сегрегацией, когда относимся к сексу как к чему-то оторванному от остально-

го нашего поведения. Никакое другое нормальное человеческое поведение не является объектом такого пристального изучения и удовольствия. На самом деле я считаю, что некоторые города гораздо лучше интегрировали районы красных фонарей в свои туристические маршруты, чем многие люди смогли интегрировать сексуальность в свою личность.

Сложность с сексом состоит в том, что мы часто ведем себя так, как будто люди отличаются от животных, как будто наша сексуальность эволюционировала только для нашего удовольствия, а не является биологическим способом воспроизведения себе подобных. Мы отделили секс от размножения и превратили его в одну из ловушек культуры. Поскольку мы способны к изошренному сексу, минуя его функцию размножения, мы, кажется, забыли, кем мы являемся в качестве сексуальных животных. В результате секс стал чем-то отдельным от нас самих или нашей биологии, какой-то отдельной, не полностью человеческой чертой. Мы смотрим со стороны на картинки в секс-журналах или половые акты в кино и воспринимаем их не в качестве схемы поведения, эволюционировавшей как часть нашей природы, а как что-то, что должно быть скрыто, о чем нужно говорить шепотом и чего, возможно, следует стыдиться. Сексуальность окружает нас, но нам не всегда легко дается понимание того, что она является нашей частью. И тем не менее под всеми свадебными ритуалами, за популярными песнями о любви и романтике, где-то за секс-шопами и откровенными журналами

прячется сидящее внутри нас сексуальное животное. Это существо эволюционировало на протяжении 40 миллионов лет и лишь недавно, 100 000 лет назад, пришло к тому, что мы называем «культурой». Я предлагаю оставить позади районы красных фонарей, выбросить рекламу с завлекательными обнаженными женщинами, счистить все эти культурные слои или обратиться к нашему прошлому в поисках ключей к нашей сексуальности. Только в историческом и эволюционном контексте мы можем подойти к пониманию сексуальности и к тому, чтобы найти правильное место секса в нашей жизни.

Наши предки и мы

Мы – удачливый вид. Мы не только достаточно умны, чтобы размышлять о прошлом, но и достаточно развили некоторые средства, которые помогают нам изучать свое происхождение. Тот же мозг, который заставляет нас задаваться вопросом: «Откуда мы произошли?» – имеет возможность отобрать кусочки нашего загадочного прошлого, а затем воссоединить их в логичный сценарий эволюции человека. Эта история не высечена в камне; это тоже все время эволюционирующая история изменений, меняющаяся по мере того как ученые находят всё новые кусочки головоломки. Например, всего 20 лет назад антропологи верили, что человек произошел от единого обезьяноподобного предка, последовательно прошедшего различные стадии развития. Сегодня, после открытия большого числа дочеловеческих ископаемых, мы знаем, что человеческий род был лишь одной из многих человекообразных форм, обитавших в Африке миллион лет назад. Наша история не является результатом прямого происхождения от кого бы то ни было, она лишь одна из многих ветвей дерева, на котором у нас много близких, но не вымерших, родственников.

В начале

Эпоха миоцен, начавшаяся 25 миллионов лет назад, была временем глобального похолодания. Хотя леса покрывали в то время большую поверхность земли, они начали медленно отступать, заменяясь пастбищами саванн⁷. Давайте сосредоточимся только на приматах, нашем отряде: в Африке и Азии существовало несколько типов полуобезьян и множество видов обезьян – созданий, в итоге эволюционировавших в приблизительно 70 видов обезьян, существующих сегодня. Эпоха миоцен была также эпохой процветания человекообразных обезьян. Сегодня на земле существует только 4 вида человекообразных обезьян – шимпанзе, гориллы, гиббоны и орангутанги, все очень подверженные вымиранию. Но в миоцен в Азии, Африке и Европе обитало по крайней мере 20 видов человекообразных⁸. Одна из ветвей этих человекообразных обезьян положила начало человеческому роду.

Между 14 и 8 миллионами лет назад, в миоцен – эпоху исчезновения лесов – у людей был общий предок с теми, кого мы сегодня знаем как шимпанзе⁹. Это не значит, что мы являемся потомками шимпанзе – это не так. Но давным-дав-

⁷ Foley 1987.

⁸ Fleagle 1988.

⁹ Fleagle 1988.

но один вид, существовавший в эпоху миоцен, разделился на две отдельные линии. Одна из линий в итоге разделилась еще на две – обычных шимпанзе и их подвид – бонобо (карликовый шимпанзе), а другая линия в итоге эволюционировала в *Homo sapiens* – наш вид. Палеонтологи не могут с уверенностью сказать, что произошло при отделении человека от обезьяны. Существуют только частички и кусочки ископаемых древностью от 14 до 4 миллионов лет, и они не говорят нам практически ничего о том, почему одна из линий человекообразных обезьян отделилась в процессе эволюции от других¹⁰. Ученые знают только, что 3,5 миллиона лет назад в Африке обитало совершенно определенное существо, обладающее признаками человеческого. Этот вид, типированный по ископаемым останкам как «Люси», был обнаружен в Эфиопии в 1976 году и называется *Australopithecus afarensis*. Эти создания были довольно маленького роста: женские особи были высотой 1,07 метра, а мужские, возможно, 1,5 метра. У них были вполне человеческие зубы, хотя у многих сохранились довольно большие обезьяньи клыки. Интересно, что кости рук и ног у них были изогнутой формы, что говорило о том, что они проводили часть времени на деревьях или что лазанье по деревьям совсем недавно было неотъемлемой частью их жизни. Люси и ее современники имели при-

¹⁰ Недавно был открыт и назван новый вид, *Australopithecus ramidus*, датированный 4,4 миллиона лет назад (White 1994). Более полные исследования этого нового вида должны вскоре дать нам ключи к этому периоду.

близительно такой же объем черепа, как и их человекообразные предки – примерно такого же размера, как и у современных шимпанзе, – 400 см^3 . Учитывая размер их тела, это все же довольно большой мозг, если сравнивать с другими млекопитающими, но он не сравнится с размером мозга современного человека, составляющего приблизительно 1200 см^3 . Определяющим для отнесения *afarensis* к человекообразным является их способ передвижения. Впервые за историю ископаемых млекопитающее передвигалось на двух ногах. Это можно понять по форме таза Люси: он короткий и широкий, предназначенный для поддержания массивных ягодичных мышц, так же как и таз современного человека, в отличие от длинного и узкого таза шимпанзе. Более того, их коленные суставы были достаточно развиты, чтобы выдерживать вес прямоходящего существа. Но *afarensis* оставили еще одну более очевидную улику своего пешего образа жизни – большое количество следов ног, оставленных в Танзании более трех миллионов лет назад, явно указывающих на виляющую походку существа, привыкшего передвигаться на двух ногах.

Неизвестно, что заставило эти существа встать на две ноги. Сперва антропологи предполагали, что передвижение на двух ногах было важно, чтобы освободить руки, для того чтобы переносить что-то, например инструменты, детей или

еду¹¹. Сегодня многие антропологи подходят к вопросу нашего перехода к передвижению на двух ногах так же, как они подходят к любому крупному изменению в истории видов: они ищут причину, по которой естественный отбор мог заставить индивидов изменить свои привычки. С этой точки зрения, должно было появиться какое-то ограничение окружающей среды, заставившее *afarensis* или их близких предков адаптироваться к новому способу передвижения.

Существуют весомые доказательства того, что наши древние предки испытывали серьезный кризис окружающей среды – леса отступали; поскольку, вероятнее всего, они были лесными обитателями, их мир в буквальном смысле исчезал у них на глазах. Возможно, что один из видов человекообразных обезьян увидел в этих изменениях новые возможности; представители этого вида перебрались на открытые пастбища и смогли найти новые источники еды, не используемые теми, кто остался на деревьях. Но этот переезд в саванну имел свою цену. Лес предоставляет приблизительно равномерное распределение еды, если полагаться на зелень и фрукты. Оказавшись в саванне, где этот вид еды появляется сезонно или на разбросанных далеко друг от друга участках – в рощах и на полянах, нашим предкам пришлось бы путешествовать на далекие расстояния, чтобы обеспечить себе пропитание на протяжении всего года, для того чтобы под-

¹¹ Isbell and Young 1995; Lovejoy 1981.

держивать большой размер тела¹². Ввиду этих обстоятельств хождение на двух ногах оказалось бы более эффективным средством передвижения. Для человекообразных обезьян с большой массой тела хождение на двух ногах на дальние расстояния с постоянной и неспешной скоростью требует меньшего количества калорий, чем покрытие того же расстояния на четырех ногах¹³. Таким образом, прямой предок *afarensis* мог перейти от обитания в лесу к обитанию в полях, что заставило его бродить на двух ногах от одной рощицы к другой, проходя многие километры по открытой саванне в поисках еды. Около 2 миллионов лет назад этот переход полностью завершился, и новая ветвь человекообразных, которая в итоге привела к появлению человека, прочно укоренилась.

Ветвистое древо

Когда меняются условия окружающей среды, виды либо приспособляются, либо вымирают. Те, кто адаптируется, подвергаются быстрым изменениям внешнего вида и поведения – по сути, они бегут на шаг впереди вымирания, – и в эти периоды обычно происходит расцвет новых видов¹⁴. Так было и в нашей истории. Сегодня мы наблюдаем только один вид человека, существующий на земле, – современный

¹² Foley 1987.

¹³ Foley 1987; Isbell and Young 1995; Rodman and McHenry 1980.

¹⁴ Foley 1987.

Homo sapiens sapiens. Но между 2,5 и 1,5 миллиона лет назад в Африке обитало по крайней мере пять видов человекоподобных существ¹⁵. Этот список включает в себя четыре вида австралопитеков, которые были полностью двуногими, но у которых был очень маленький мозг, как и у *afarensis*, а также группу с большим объемом мозга – *Homo habilis*. Возможно, именно от *habilis*, впервые появившегося в архивах ископаемых около 1,8 миллиона лет назад, и произошел современных человек.

С этой точки зрения, разумно, что наши предки выглядят знакомыми. Большой мозг становится еще больше. Всего 750 см³ у *homo habilis* практически удваиваются в последующий миллион лет, тогда как наша ветвь проходит последовательные стадии *Homo erectus*, *Homo sapiens neanderthalensis* и различные переходные виды к современному *Homo sapiens sapiens*. Неизвестно, почему у нас большой мозг, хотя на этот счет есть множество предположений. Очевидно, что использование инструментов требует мощности мозга, но инструменты появились в нашей жизни задолго до того, как мозг стал большим. Большой мозг можно объяснить наличием речи, но человеческий язык – это сравнительно недавнее образование, и, возможно, оно является следствием нашего

¹⁵ Описание ископаемых гоминидов изменяется с каждым новым открытием – как это и должно быть. На данный момент хорошее описание нашей ископаемой истории можно найти в любом учебнике по биологической антропологии начального уровня.

сложного мозга, а не катализатором для его развития. Одной из вероятностей является то, что большой мозг нужен нам, чтобы поддерживать межличностные отношения, поскольку мы социальные существа¹⁶. Социальный интеллект, то есть отслеживание родственных связей, врагов и друзей, может быть той силой, что отвечает за быстрое увеличение размера и сложности человеческого мозга.

В любом случае, мы начали задействовать дополнительные нейроны на ранних этапах нашей истории. Высокий уровень интеллекта и навыки решения задач подтверждаются каменными инструментами, найденными у *Homo habilis* 1,8 миллиона лет назад. Эти грубые камни использовались для того, чтобы дробить кости животных или снимать с них шкуру. Вероятно, инструменты помогли этому виду использовать более широкий спектр животных, делая охоту и собирательство более эффективными. Производство и развитие инструментов, возможно, также способствовало процессу переработки растительной пищи. Возможно, что без инструментов и того, что является результатом их использования, более поздние человеческие существа не смогли бы переселиться из Африки в более сложные климатические зоны по всему миру¹⁷. Таким образом, доказанными фактами истории нашего вида является хождение на двух ногах, большой мозг и способность изготавливать и использовать

¹⁶ Cheney et al. 1986.

¹⁷ Foley 1987.

инструменты и другие культурные артефакты, помогающие нам менять мир вокруг, чтобы он соответствовал нашим потребностям. Другие грани нашей жизни, такие как взаимоотношения с семьей и с друзьями и то, как мы ведем нашу сексуальную жизнь, остаются на волю нашего воображения.

Мы – не то, что мы делаем

Хотя ископаемые и каменные инструменты очерчивают нашу биологическую и культурную историю, камни и кости не рассказывают, кем мы являемся. К сожалению, поведение не оставляет следов в виде ископаемых. Например, отпечаток сексуального поведения практически невозможно увидеть в древней кости. Поэтому нам остается только гадать, кем были те члены общества, составляющие наше наследие, бродившие по саванне, поедающие фрукты и мясо и занимающиеся сексом.

Естественная биология человека

Если рассматривать людей как один из многих биологических видов, то они заслуживают следующее описание: они являются млекопитающими большого размера с большим объемом мозга; двуногие с длинными конечностями; самцы в большинстве своем крупнее самок. У мужских особей есть волосы на голове, на лице, в подмышках и в паховой области, но кроме этого они практически безволосы. У них сравнительно большой пенис и маленькие яички, которые легко заметить со стороны. У женских особей есть жировые отложения в области груди, волосы на голове, в подмышках и в паху. Как специалист, изучающий приматов, наблюдая за обезья-

нами, я сделала вывод, что у человеческих женских особей нет никаких внешних признаков овуляции, таких как красный зад у шимпанзе и павианов. Но у женских особей человека окончание цикла проявляется видимыми кровяными выделениями из влагалища; эти выделения прекращаются в среднем возрасте, что означает, что репродуктивный период у них ограничен. Когда женские особи зачинают, обычно это один ребенок. Человеческие детеныши чрезвычайно зависимы с момента рождения, им требуется уход в течение первых нескольких лет жизни, и, по-видимому, оба родителя вовлечены в заботу о нем. В отличие от многих млекопитающих, человеческие отпрыски остаются зависимыми от родителей в плане укрытия и еды на протяжении юного возраста и держатся рядом даже став взрослыми.

Описание, подобное этому, я бы дала новому виду обезьян, который я только что открыла в лесах. Я выделяю эти черты, потому что, будучи знакомой с другими приматами, я знаю, что это те детали, которые отличают нас от других человекообразных обезьян, по крайней мере в плане физиологии. Некоторые из этих черт естественно связаны с сексуальностью человека, и поэтому они – наше единственные физиологические подсказки в плане естественной сексуальной биологии нашего вида. То, как современные люди проявляют свою сексуальность в повседневной жизни, необязательно предполагает, что наши действия продиктованы лишь зовом природы, – культура и общество направляют и формируют

нас самыми различными способами, неизвестными нашим предкам. Но в каком-то смысле части нашего тела все еще говорят на языке естественного отбора – некоторые черты нашего вида существуют, потому что когда-то давно, как и сегодня, они стали результатом естественного отбора, чтобы помочь нам передавать свои гены. Поэтому антропологи потратили много усилий, пытаясь увязать эти черты в логичную историю человеческой эволюции. Тем не менее по сей день не существует ясной картины того, как сформировалась наша сексуальность.

Чувство общности

Хотя мы и не знаем точно, как наши предки проявляли сексуальность в повседневной жизни, мы знаем, что они были социальными животными, жившими во взаимодействующем сообществе. На самом деле почти все приматы являются социальными животными. В отличие от многих других млекопитающих, приматы обычно живут в группах и плотно взаимодействуют друг с другом. Они соприкасаются, расчесывают друг друга, сидят рядом и постоянно общаются. Мы предполагаем, что наши предки вели себя таким же образом, существуют также палеонтологические доказательства в поддержку этой идеи. В 1978 году группа, нашедшая Люси и давшая ей название *Australopithecus afarensis*, обнаружила скопление костей, представляющих по крайней мере 13 ин-

дивидов вида *afarensis*. Это сообщество ископаемых, может быть, и не жило вместе и не умерло одновременно, но было бы большим совпадением найти нескольких индивидов в одном месте спустя долгое время после их смерти, если они не общались каким-либо образом. Вопрос сообщества важен для понимания нашей сексуальности, потому что, как и у всех животных, наша система брачных отношений встроена в более широкую социальную систему. Проживание в группах и члены, составляющие группу, определяют возможности для вступления в половые отношения. Большая группа означает большое количество возможных половых партнеров, тогда как маленькая группа ограничивает выбор партнеров. Если мы будем основываться на разумном предположении, что наша история – это история проживания в группах, в каких группах мог бы жить наш вид?

Есть несколько возможностей, и все они продиктованы тем, как данный вид решает вопрос пропитания. На самом базовом уровне каждый индивид запрограммирован на то, чтобы передавать свои гены. Чтобы этого достичь, индивид должен быть жив, заниматься сексом и вырастить детенышей до разумного возраста. Для самцов этот значит избегать хищников и использовать каждую возможность заняться сексом, чтобы их сперматозоиды попали в плодовитых самок. Для самок, особенно для млекопитающих, секс и зачатие не такая уж проблема; самцы обычно концентрируются вокруг самок – более ограниченного ресурса для размно-

жения. Хотя самкам также нужно избежать челюстей хищников, их главная забота – добыть достаточное количество еды в долгосрочной перспективе, чтобы выносить и выкормить детеныша. Согласно этой теории, самки распределяются в соответствии с распределением еды. Как это происходит, определяется их способностью обнаруживать, собирать и переваривать пищу под наблюдательным взглядом хищников. Самцы, для которых еда не так важна в плане воспроизведения, как поиск самки, будут группироваться согласно тому, как группируются самки¹⁸. Другими словами, если мы хотим понять, почему павианы живут большими сообществами, достигающими сотни индивидов, а гиббоны – небольшими семейными группами, и экстраполировать это знание на естественную историю человеческих групп, нам нужно обратиться к самкам.

Самки бабуинов – небольшие животные, питающиеся растительной пищей, равномерно распределенной по саванне. Самкам не нужно защищать определенную территорию, но им требуется защита от хищников, обитающих в саванне. Результатом этого является то, что они живут со своими сестрами. Самцы павианов предпочли бы изолировать нескольких самок, но поскольку сделать это с такой большой группой у них не получается, другие самцы тоже присоединяются к группе. Результатом этого является большое сообщество, состоящее из мужских и женских особей. Самки гиббонов

¹⁸ Wrangham 1980.

агрессивно защищают определенный, богатый едой участок леса от вторжения чужаков, даже от своих сестер гиббонов, и только одному самцу разрешено жить рядом для совместной защиты этой территории. Но большинство времени самца уходит не на защиту еды, а на защиту самки от других заинтересованных самцов¹⁹. Результатом является моногамная пара с несколькими отпрысками, такая семейная группа. В каждом из вышеприведенных примеров социальная система, предполагающая систему брачных отношений, связана с тем, как животные находят еду и партнера.

Возможно, наши предки тоже жили большими группами, как павианы, бродя по саванне стайками по несколько самок и самцов, в близкой сексуальной доступности друг от друга. Единственным пробелом в этом сценарии является то, что люди – относительно большие животные. Живя группой, зависящей от охоты и собирательства, мы никогда не собрали бы достаточного количества еды; группы ранних гоминидов не могли передвигаться с достаточной скоростью или путешествовать на большие расстояния, чтобы обеспечить пропитание большой группе. Наши близкие сородичи шимпанзе решили эту проблему, организовав, как это называют приматологи, общество разделения-слияния. Время от времени они собираются вместе, но пропитание добывают в основном в одиночку²⁰. Более вероятно, что наши предки жили в

¹⁹ Mitani 1985.

²⁰ Isbell and Young 1995.

небольших и более-менее постоянных группах с вариациями – начиная от одного самца, живущего и вступающего в половые отношения с несколькими самками; и до семейной группы, во главе которой стояла моногамная пара. И здесь лежит один из спорных вопросов о нашем виде – являемся ли мы «естественно» моногамным видом с длинной историей супружеской верности или же наше прошлое не так однозначно?

Естественная эволюция брачного поведения человека

Брак является универсальным явлением для всех людей. В любой культуре мужчина и женщина образуют пару, чтобы создать семейную ячейку. Обычно это делается в форме публичной церемонии с соблюдением ритуалов и традиций. В самом поверхностном смысле брак предоставляет обоим партнерам сексуальный доступ друг к другу, но этот союз не является решением лишь личных сексуальных вопросов. Публичные церемонии бракосочетания, как ничто другое, демонстрируют во всех культурах тот факт, что брак призван формализовать систему, в которой рождается и воспитывается большинство детей; брак также представляет собой соединение расширенных семей²¹, что можно интерпретировать как создание альянса. Кроме того, брак может быть целесообразным с политической точки зрения. В каком-то смысле секс – это последнее, что гарантирует брак. Но, если не принимать во внимание все эти культурные ловушки, люди все равно предпочитают вступить в законный парный союз, даже при отсутствии семейных или политических факто-

²¹ Расширенная семья – состоящая из двух и более поколений, достигших самостоятельности, члены которой живут вместе или в непосредственной близости и формируют единое домохозяйство, например родители, взрослые дети и их семьи. (Прим. переводчика.)

ров. Поскольку брак – это черта, которую можно найти в любой культуре и поскольку люди чувствуют себя обязанными жениться и жить семейной жизнью, независимо от того, целесообразно это или нет, разумно предположить, что желание создать с кем-то пару на всю жизнь является «естественным» биологическим состоянием. С этой точки зрения кажется, что в плане биологии мы являемся моногамным видом. Но так ли это?

Эволюция моногамии

Моногамия в качестве типа брачных отношений, а не сексуальной практики, редко встречается в животном мире. Это тонкий компромисс, на который два осторожных партнера идут только в особых обстоятельствах. Должна быть убедительная причина, чтобы самец оставался с одной самкой, и не менее убедительная причина, чтобы самка разрешила самцу вообще быть рядом. Моногамия может развиваться, когда самка живет одна, но ей нужен самец, чтобы защищать источник еды²². Она также может развиваться из-за потребности самки в помощи с детенышем. Но самец будет тратить силы на ребенка, только если будет уверен, что это его отпрыск; зачем самцу терять время, если он не уверен в своем отцовстве?

Если мы на минуту предположим, что люди «естествен-

²² Rutberg 1983.

но» моногамны, то нам придется ответить на вопрос, что было на чашах весов, когда наши предки перешли к моногамному образу жизни – территория или озабоченность своим отцовством? Мы знаем, что наши дочеловеческие предки бродили по саванне в поисках еды, встречавшейся на далеко отстоявших друг от друга участках; скорее всего они не были очень привязаны к территории. Также логично предположить, что женские особи древних людей не путешествовали по саванне в одиночку, а поэтому не могли быть изолированы одним самцом. Наиболее вероятно, как я уже упоминала, что эти люди жили в небольших группах из нескольких взрослых женских особей и, возможно, нескольких мужских. Вопрос защиты определенной территории перед ними не стоял. Более разумное предположение состоит в том, что 4 миллиона лет назад у предков человека уже были чрезвычайно зависимые детеныши, которым нужна была забота более чем одного родителя. Возможно, под давлением этой зависимости детенышей и сформировалась наша особая система брачных отношений.

Возможно, люди и были избраны в результате естественного отбора для парных отношений, но они не были выбраны, чтобы быть моногамными с сексуальной точки зрения. На самом деле верные с сексуальной точки зрения пары сегодня так же редки, как это, вероятно, было в нашем древнем прошлом (фото Д. Хэтч)

Человеческий детеныш, требующий пристальной заботы

Биологи классифицируют всех детенышей в зависимости от их способности выжить в одиночку. Тех, кто с рождения

является проворными и независимыми, как оленята, которые начинают бегать вскоре после рождения, называют зрелорождающимися. На другом конце шкалы находятся детеныши, которых нужно носить, защищать и постоянно кормить. Их называют незрелорождающимися²³. Период вынашивания современных детенышей человека составляет 267 дней, и они требуют заботы в течение нескольких лет после рождения. В чем-то эти цифры соотносятся с другими большими млекопитающими. Например, детенышей черного носорога вынашивают 475 дней и выхаживают 5-6 лет; большие бурые дельфины вынашивают детеныша 360 дней и выхаживают его около года; гориллы вынашивают 252 дня и выхаживают детенышей 14 месяцев²⁴. Кроме того, мозг детенышей человека достигает 12 % от массы тела, приблизительно как и у детенышей других млекопитающих. Разница состоит в том, что после рождения мозг детенышей человека развивается со скоростью, оставляющей позади любых других животных на Земле²⁵. Это означает, что хотя детеныши человека и рождаются с мозгом, соответствующим размерам

²³ Экологи помещают эти категории на горизонтальной шкале. Виды, производящие детенышей, требующих небольших вложений сил, и часто производящие множество детенышей одновременно, например насекомые, называются «видами R-отбора». На другом конце шкалы – «виды K-отбора», такие как люди, у которых общее количество детенышей меньше и они больше вкладывают в каждого ребенка.

²⁴ Eisenberg 1981.

²⁵ Dienske 1986.

тела больших млекопитающих, но развитие этого мозга совсем не окончено, если сравнивать его с мозгом взрослого. Таким образом, детеныши человека являются чрезвычайно незрелорождающимися, и им требуется усиленная и длительная забота, потому что их мозг еще не может управлять движением мышц и мыслительным процессом, как это происходит у более зрелорождающихся животных²⁶.

Почему ветвь человека развилась в направлении зависимых детенышей, неизвестно. Антропологи рассуждают, что естественный отбор предпочитал животных с большим мозгом и высоким уровнем интеллекта. Отбор по принципу большого мозга привел к тому, что формирование нервной системы у новорожденных не окончено. Это, в свою очередь, значило, что родителям придется ухаживать за этими беспомощными детенышами. Но время, которое уходит на заботу о беспомощных детенышах, можно потратить и на обучение сложным социальным навыкам. Это направление эволюции привело к тому, что младенцы чрезвычайно зависимы и требуют многих лет внимания. В конце концов, люди – и мужчины, и женщины – могут передать по наследству гены, то есть достичь успеха в размножении, только если они объединят свои усилия и вложат много в каждого ребенка.

²⁶ Martin 1990.

Всех приматов характеризует длительный период зависимости в детском возрасте. Человеческие детеныши часто требуют большого вложения времени и сил и от матери, и от отца (фото Д. Хэтч)

Сдерживающая сила в человеческой паре

Из-за того что у человеческих детей имеется потребность в усиленной и долговременной родительской заботе, многие антропологи предполагают, что пара внимательных родителей является частью человеческого наследия, а поэтому представляет собой генетически сформированную схему

брачных отношений²⁷. Другими словами, сегодня мы разбираемся на пары, потому что эта схема взаимоотношений полов была выбрана на протяжении времени в качестве лучшего контекста для взращивания детей. Предлагаемый – и не доказанный – сценарий развивается примерно таким образом. У человеческого детеныша развился большой мозг, поэтому ребенок должен был рождаться до наступления зрелости нервной системы, вследствие чего он был чрезвычайно зависимым. Женские особи наших предков не могли сами справиться с заботой, поэтому им был нужен партнер. Единственный способ, которым они могли удержать мужчину рядом, чтобы он помогал выращивать ребенка, – стать сексуально доступными в любое время. Поэтому женщины отбросили любые внешние признаки способности к оплодотворению, чтобы мужчины думали, что они способны к оплодотворению в любой момент. Но это представляло проблему. Если мужчины знали, когда у женщин происходит овуляция, они могли стеречь каждую из них в этот важный, репродуктивный период, а остальное время гоняться за другими женщинами. Но, поскольку никаких внешних признаков способности к размножению не стало, а женщины были доступны для секса вне зависимости от способности к оплодотворению, мужчинам пришлось сформировать исключительные и защищенные парные отношения с определенными женщинами, чтобы оградить их от других мужчин. В ре-

²⁷ Alexander 1990; Alexander and Noonan 1979; Lovejoy 1981.

зультате мужчины были более уверены в своем отцовстве и могли помогать заботиться о детях. Женщина, став сексуально доступной в любое время, получила заботу второго родителя о своем ребенке и, возможно, дополнительное пропитание, такое как мясо. В этом сценарии нуклеарная семья²⁸ уходит корнями в сексуальность, а инициаторами этой системы являются женщины, потому что они производят на свет зависимых детенышей²⁹. Единственная проблема этого сценария – то, что он является таким колоссом на глиняных ногах.

²⁸ Нуклеарная семья – состоящая из супругов или одного из супругов и их/его/ее детей, находящихся на содержании у родителей. (Прим. переводчика.)

²⁹ Существует несколько версий этого сценария, но они все складываются приблизительно одинаково – женщины используют секс, чтобы получить от мужских особей заботу о младенцах (Alexander 1990; Alexander and Noonan 1979; Fisher 1982; Lovejoy 1981; Strassmann 1981; Symons 1979; Turke 1984).

Антропологи предположили, что зависимость человеческих младенцев от родителей стала причиной естественного отбора такой системы, где пары кооперируются, чтобы взращивать отпрыска (фото М. Смолл)

Внимание к женским особям

Антропологи изучали, рассматривали, рассуждали и строили теории относительно того, почему у женщин именно такая сексуальная биология, сравнивая человека с шимпанзе, предполагая, что люди произошли с ними от общего предка. В конце концов, именно женские особи человека имеют привлекательную грудь и у них развилась способность заниматься сексом в любое время, в отличие от их сородичей шимпанзе, у которых гениталии сильно набухают во время течки, означающей способность к оплодотворению. Верно, что у женских особей человека отсутствует эструс, или период течки, как у других животных, и что они, как это называют ученые, «постоянно рецептивны» к сексу³⁰

³⁰ Lovejoy 1981.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.